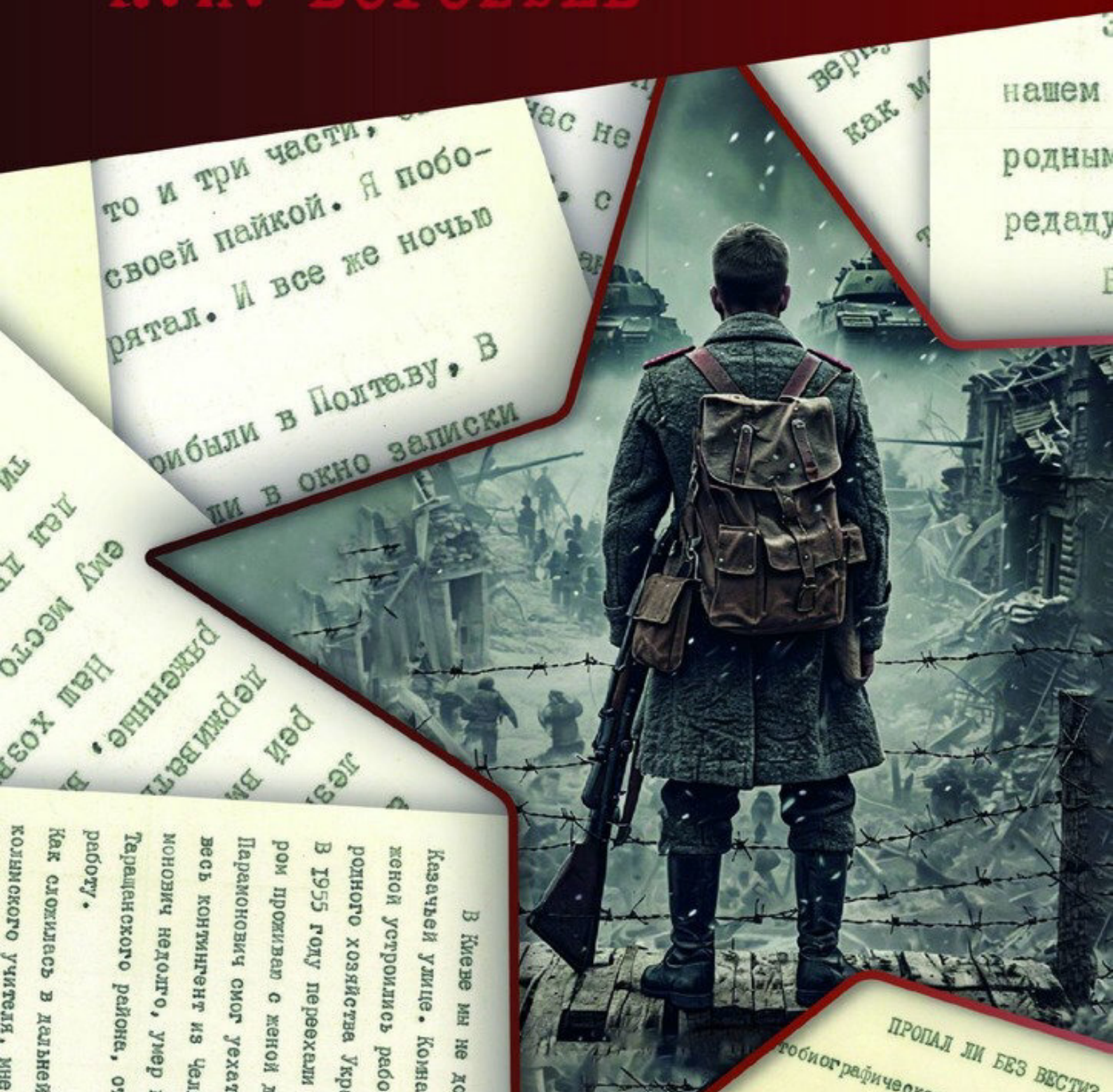

18+

ПРОПАЛ ЛИ БЕЗ ВЕСТИ?

К.И. ВОРОБЬЕВ

то и три части, а
своей пайкой. Я побо-
рятал. И все же ночью

рибыли в Полтаву. В
ли в окно записки

верн
как м

нашем
родным
редаду

ему место
Наш хозя
держивать
ряженные,
рей в

В Киеве мы не до
Казачей улице. Конна
женой устроились рабо
родного хозяйства Укра
В 1955 году переехали
ром проживал с женой д
Парамонович смог уехать
весь контингент из Чап
Мононович недолго, умер
Тарашенского района, о
работу.

Как сложилась в дальней
колинского учителя, мне

ПРОПАЛ ЛИ БЕЗ ВЕСТИ?
робиографическ

К. И. Воробьев

**Пропал ли без вести?
Автобиографическая повесть
бывшего военнопленного**

«Издательские решения»

Воробьев К. И.

Пропал ли без вести? Автобиографическая повесть бывшего военнопленного / К. И. Воробьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-657409-0

Книга печатается по рукописи, найденной в архиве литератора Лидии Васильевны Белоусовой (1943—1999). Текст 80-х годов прошлого века содержит большое количество жизненных и бытовых деталей, которые представляют интерес для наших современников, а также позволяет лучше понять менталитет советских людей того времени. Эти люди заслуживают нашей памяти и благодарности потомков, в какой бы стране бывшего СССР эти потомки теперь ни жили.

ISBN 978-5-00-657409-0

© Воробьев К. И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава I. Война	7
Глава II. Плен	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пропал ли без вести? Автобиографическая повесть бывшего военнопленного

К. И. Воробьев

Редактор А. С. Ганькина

Дизайн-макет обложки: Н. Б. Баймашкин

© К. И. Воробьев, 2025

© А. С. Ганькина, редактор, 2025

© Н. Б. Баймашкин, дизайн-макет обложки, 2025

ISBN 978-5-0065-7409-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«Пропавшие без вести» солдаты в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сколько их было?

Наша военная статистика на этот вопрос до сих пор не дает ответа, несмотря на то, что в последнее время материалы о проблеме «пропавших без вести» все чаще публикуются в печати.

Десятилетиями в редакции идут письма о тех, кто в войну «пропал без вести», об отношении к ним, памяти о них.

Все еще остается неизвестной судьба миллионов солдат Великой Отечественной войны, «пропавших без вести».

В извещениях, посылаемых семьям, писалось: «Пропал без вести». Это вселяло надежду у родственников, что, может быть, их близкие еще живы. Надежда теплилась долгие годы, но, увы, в подавляющем большинстве случаев не сбылась. «Пропавший без вести» – это: убит в боях, в которых нельзя было похоронить, убит в разведке или попал в плен.

Именно плен составил основную часть «пропавших без вести». Миллионы там и погибли. По данным западногерманских исследователей, из 5,7 миллиона советских солдат, плененных за годы войны, погибли в лагерях от голода, болезней, убитых при попытке к бегству и другим причинам более 4 миллионов. Итак, живыми после войны осталось около 1,7 миллионов. Из них вернулись на родину не более 1,3 миллиона человек. Остальные разбрелись по всему свету.

Более 4 миллионов солдат, погибших в плену в Германии, – это только часть всех «пропавших без вести».

Другая часть – это бесчисленные убитые, не похороненные на поле боя, особенно в первые два года войны. Кто считал павших солдат на гигантском фронте от Мурманска до Черного моря, когда мы отступали до самой Волги?

Тогда в «котлах» и окружениях оказывались штабы частей с документацией, и, естественно, было не до учета потерь.

Война закончилась 45 лет назад, а до сих пор в разных местах находят безымянные останки павших солдат. Сколько же их, составляющих вторую часть «пропавших без вести»?

К сожалению, ответ один: «Бог его знает».

Волею судьбы я один из тех, кто возвратился на родину в конце 1945 года, а до этого числился «пропавшим без вести».

Известно, что многие военнопленные, вернувшиеся на родину в Советский Союз, сразу же попадали в «родные лагеря» и еще долго были оторваны от своих близких. Этим путем прошел и я.

О войне, плене, событиях после освобождения из плена и возвращении на родину – мой рассказ.

К.И.Воробьев

Глава I. Война /1941—1942 гг./

Наступило лето 1941 года. Я, студент Киевского политехнического института, перешел на последний, пятый курс. Впереди летний отдых, беззаботная жизнь. В те годы, когда я учился (1937—1941), почему-то студентов не привлекали к работам на стройках или в колхозах.

Утром 22 июня, выходя умываться в общежитии студентов института по ул. Полевой, ребята говорят: – «Война. Как, ты разве не слыхал? Бомбили завод „Большевик“. Немцы вероломно напали на Советский Союз», – беспрерывно сообщало радио.

– Ну, и что, – думал я, как и многие другие, – дадим им по «морде», ведь у нас непобедимая Красная Армия. Жаль только испорченного лета, и особенно мы тогда жалели, что отменялся на неопределенный срок футбольный матч между киевским «Динамо» и ЦДКА, который должен был состояться 22 июня.

3 июля состоялся городской митинг в Пушкинском парке – выступал Хрущев. Я хорошо слышал его слова: «Немцы в Киев не пройдут», после чего он быстро сел в машину и уехал. Как потом выяснилось, Никита Сергеевич постарался не задерживаться в Киеве.

Возвращаемся с митинга и начинаем задумываться – о каком Киеве шла речь, ведь война идет на границе, за 600 км от Киева. Народ пользовался только слухами, никакой официальной информации о положении на фронте, а фронт был гигантский, – не было. И только теперь, когда пишу эти строки, я убежден, что не только мы – народ, а и наши руководители не представляли тогда, какая это будет война. Не подготовили к ней страну и народ, обрекли их на гигантские материальные и людские потери, невыносимые страдания.

Живем пока в общежитии КПИ, в городе круглосуточно работают военкоматы, идет мобилизация. Получаю и я повестку явиться в военкомат по ул. Артема, 15. Мне выдали предписание, чтобы я явился 11 июля 1941 г. в 16.00 на железнодорожный вокзал в команду для отправки в г. Москву на учебу в автобронетанковую академию. Команда наша оказалась вся из студентов, аспирантов и даже преподавателей институтов Киева. Выбраны здоровые, сильные, молодые люди.

Всю ночь мы просидели в вагонах, и только 12 июля состав был отправлен в Москву.

Прибыли, живем на казарменном положении: строим на занятия и в столовую с песнями, вечером поверка и в 22.30 отбой.

Учат нас только военному делу: стрельба из всех видов оружия, автодело, устройство танка, связь, ремонт военной техники.

Мы – студенты многих вузов страны, заменили слушателей военных академий в Москве, которые в спешном порядке были отправлены в воинские части на фронт.

В Москве начали готовить к эвакуации кое-какие заводы и учреждения. По ночам дежурили на чердаке в здании академии – обезвреживали зажигательные бомбы. Утром занятия, очень мало строевой подготовки – наконец дошло, что больше надо заниматься обучением обращаться с оружием, боевой тактикой, а не строевой «показухой».

Неутешительные шли вести с фронтов: взята Полтава, Киев в окружении, пал Смоленск, Вяземское окружение наших армий. В сентябре немцы вошли в Киев, началась блокада Ленинграда.

В чем дело, кто в ответе за все это?

В начале октября наша рота не пошла на занятия, нас привезли на вокзал, где мы грузили в вагоны вещи и семьи преподавателей нашей академии и других учреждений. Следом направлялись в Ташкент. Значит, дело очень серьезное. Москва готовится к худшему.

Спустя несколько дней на вечерней поверке меня и других товарищей предупредили, чтобы утром были готовы с личными вещами. Ранним утром построили и сообщили, что мы направляемся в ГАУ /главное артиллерийское управление/. Все держалось в полном секрете, что нас ждет – полная неясность. На вопрос – закончили ли мы учебу, дежурный офицер ответил, что всем нам присваивается звание воентехника 2-го ранга, и наша учеба в академии закончена.

Только по прибытии в здание ГАУ было сказано, что каждый из нас будет зачислен на офицерскую должность в особые части – гвардейские минометные дивизионы.

Я был зачислен в 6-й ОГМД /отдельный гвардейский минометный дивизион/. Формировались мы в Измайловском парке в Москве, там впервые я увидел боевые машины – «катюши». Я назначен на должность пиротехника дивизиона с совмещением обязанностей начальника ГСМ /горюче-смазочных материалов/.

Тогда, в октябре 1941 г., это новое оружие /реактивные снаряды/ усиленными темпами развивалось и эффективно применялось в боевых действиях. Наш 6-й ОГМД состоял из трех батарей, в каждой по четыре боевые установки «катюш» типа «БМ-8». Дальность полета снаряда до 4 км, все на автомобилях: установки на базе «ЗИС-6», остальное – «газики» и «ЗИС-5». Тактика боя была следующая /эта тактика выработана в условиях отступления/: боевые установки выдвигались на 3—4 км от передовой в распоряжение той или иной части, которую мы поддерживали огнем, и по артиллерийским данным батарея или весь дивизион давали залп по противнику, вернее, по площади, занимаемой противником. Залп дивизиона – это 12 установок, у каждой по 16 снарядов, – итого: в течение каких-то 12—15 сек. на противника обрушивается 192 снаряда. После залпа установки немедленно уезжают в тыл за 20—80 км от передовой. Все остальные автомашины и службы дивизиона во время залпа находятся в тылу. Такие дивизионы «катюш», обладая хорошей мобильностью, будучи подчиненными только штабу армии, все время находились в движении и поддерживали своим огнем там, где это было необходимо.

Формировались мы пять дней. За это время ознакомились с техникой, нагрузились полным комплектом снарядов, горючим, продовольствием. Абсолютно все: машины, личное оружие, а также обмундирование /уже зимнее/ было новое, как говорят, «с иголочки». Опишу, как был одет я – воентехник 2-го ранга: теплое нательное белье, гимнастерка и брюки суконные, телогрейка меховая, шапка-ушанка. Кроме того, шинель, полусапоги, валенки. Сапоги хромовые у меня были еще из академии.

Командиром дивизиона был ст. лейтенант Дибрава с Украины. Рядовой состав, в том числе водители, в основном с Кубани, много пожилых. Здесь ставился расчет на опытность водителя, особенно водителей боевых установок. Все мы, офицеры и солдаты, считали, что дивизион будет придан одной из армий, ведущей оборонительные бои на подступах к Москве. Однако это было не так /ох, эта секретность!/. Знали о маршруте дивизиона три человека: командир, комиссар, начальник штаба.

Наконец, команда «по машинам», и дивизион двинулся по улицам опустевшей Москвы на Ярославль. Там погрузились на железнодорожные вагоны и через ночь прибыли на какой-то полустанок. Уже вечером разгрузились при полной темноте, находимся в 30 км восточнее г. Тихвина – важнейшего железнодорожного узла Северной дороги, который немцы неделю тому назад заняли. Это была последняя декада ноября 1941 года.

Положение блокируемого Ленинграда еще более усложнилось. Ставилась задача войскам Волховского фронта освободить г. Тихвин, а затем г. Волхов, обеспечив снабжение Ленинграда по Северной железной дороге. Тут же, у полустанка, Дибрава и командиры батарей вместе с командиром пехотной части, которую мы должны были поддерживать огнем, выработали план действий, и установки, уже заряженные, выехали на боевой рубеж.

Наш хозвзвод, в котором я числился, выехал на отведенное ему место. По войскам противника, занявшего г. Тихвин, дивизион дал два залпа. Ты помнишь, читатель, это около 400 снарядов, почти одновременно обрушившихся на позиции противника. Нужно сказать, что немцы на этом фронте еще не знали о «катюшах», и эти залпы произвели на них потрясающее действие. Добавим к этому, что еще два аналогичных дивизиона «катюш» с других участков тоже дали залпы по Тихвину. К сожалению, о действии реактивных снарядов, «катюшах», не знали не только немцы, но и наши солдаты и офицеры. Так как стрельба ведется по площади, то бывали случаи, когда снаряды задевали и свои войска, передовые траншеи, которые находились в непосредственной близости от противника.

При помощи реактивных, минометных частей наши войска освободили г. Тихвин, и вслед за ними наш дивизион вошел в пригород. Освобождение Тихвина имело большое значение в то тяжелое время 1941 года. Войска воодушевились, поверили в свои силы, что «не такой страшный черт, как его малюют».

Если бы тогда (это мое личное мнение) бросить для развития дальнейшего успеха хотя бы одну хорошо укомплектованную мотомеханизированную армию, придав ей полк «катюш», то, возможно, и не было бы трагедии Ленинграда. Но, к сожалению, сил у нас не хватало. В боях за г. Тихвин участвовали войска слабо укомплектованных 40-й и 52-й армий. Все лучшие боевые части, как у нас, так и у противника, были брошены под Москву. В боях за Москву решалась тогда наша судьба.

Дивизион занял несколько домов на окраине Тихвина, на дворе – декабрь 1941 г., начало суровой зимы. Подходит ко мне старшина хозяев Ванюгин, докладывает: «Лейтенант, я поставил бензовозы возле крайнего дома, замаскировал, есть часовой, через 3 часа дам ему смену, пойдем перекусим, все готово». Да, ребята из хозяев были ушлые, мигом все организовали. Тут тебе жареная колбаса, рыбные консервы, каша гречневая с мясом и положенные «сто грамм». Что сказать, снабжение гвардейских минометных дивизионов было отменное. Нашли керосиновую лампу, кое-как осветили наш стол, выпили, закусили. В общем, так воевать можно, если бы не эти противные «онжерсы», которые уже несколько раз бомбили Тихвин. К счастью, у нас пока все благополучно, теперь можно и отдохнуть.

Накануне я почти шесть часов был в дороге – ездил с двумя бензовозами на армейский склад за горючим. А что это значит: нужно найти штаб армии, там узнать, где расположен склад горючего, добраться до него. И если будет там горючее, тогда – порядок. Дорог, как таковых, нет, хорошо, что подмерзло. И все же чуть свернул – и сразу незамерзающая топь, к тому же самолеты противника непрерывно преследуют. Наглые «фрицы» на бреющем полете расстреливали все, что двигалось. Нашей авиации почти нет.

Итак, поужинали. Перед сном пошел прогуляться, зашел в сарай, наполовину разбитый. Вижу – в углу что-то белеет. Присмотрелся, кажется, трупы, сложенные как дрова, замерзшие. Вместе с Ванюгиным, у которого был фонарик, начали осмотр. Рядом грома солдатской одежды. Не нашей, но и не немецкой. Оказывается, это были трупы солдат испанской «голубой дивизии», очевидно, приготовленные для отправки домой, в Испанию.

Авиация противника не дала нам отдохнуть. Боясь потерь, мы покинули Тихвин и расположились в лесу, проезжая города. Почему наши войска не развивают успех, достигнутый при взятии г. Тихвина? Этот вопрос задаю не только я, но и многие бойцы дивизиона.

Через несколько дней дивизион получил приказ отступить из района г. Тихвина, который опять был взят немцами. При отходе дивизиона из Тихвина произошел печальный случай, надолго оставивший неприязнь не только у меня, но и почти всех командиров и бойцов к комиссару нашего дивизиона. Это был москвич, за сорок лет, до этого случая ничем себя не проявивший. Правда, все заметили, что он очень боится бомбежек, при появлении немецкого самолета сейчас же выскакивает из машины и удирает «куда глаза глядят». Услышав, что один из солдат, водитель грузовой автомашины, сказал:

– Имеем такую технику и отступаем. Когда же будем наступать и бить «фрицев»?

Приписав солдату «паникерство», этот «горе-комиссар» расстрелял его перед строем.

Для меня, тогда двадцатидвухлетнего молодого человека, это было непостижимо. Сейчас, вспоминая этот случай, я представил себе, сколько безвинных людей погибло благодаря действиям таких «горе-комиссаров и командиров».

Спешу сообщить читателю, что этот «комиссар» – сволочь, иначе его не назовешь, сам был все-таки расстрелян самолетом противника, когда пытался бежать из машины на Воронежском фронте.

Чего боялся, от того и погиб.

Конечно, семье, наверное, сообщили, что погиб при исполнении воинского долга.

Заканчивался январь 1942 г., мы перебазировались на новое место. Пока в дивизионе не было потерь, если не считать убийства «комиссаром» своего же солдата.

Мы приданы 2-й ударной армии. Командир дивизиона поехал в штаб армии на совещание. Дивизион получил задание поддерживать передовые части 2-й армии, которая успешно взаимодействуя с 59-й армией, 24 января 1942 г. вклинилась в линию фронта, форсировала р. Волхов и овладела сильно укрепленным пунктом противника – дер. Мясной Бор.

Начались фронтовые будни. Офицеры батарей отстрелялись и уехали с передовой, а мы – труженики: нач. бой, нач. прод. и нач. ГСМ все время в дороге. Не привез вовремя снаряды, продовольствие или горючее – значит не выполнил боевой приказ. Дивизион без снарядов может двигаться, в этом случае силу представляют около ста человек личного состава, вооруженных карабинами и пистолетами. Но когда нет горючего – это уже катастрофа, так как машины стоят, и тогда при неблагоприятных условиях вся техника, в первую очередь боевые установки, должна быть уничтожена. Для этого на каждой установке имелась взрывчатка, и один из расчета, ответственный за уничтожение ее.

Зима 1942 г. близится к концу, продвигаемся вслед за частями второй ударной армии Власова. Автомобильное сообщение выдвинувшихся наших войск в оборону немцев, в тех условиях, когда даже зимой болота не замерзают, осуществлялось только по лежневым дорогам. Такая однопутная дорога прокладывалась саперами и являлась единственной транспортной магистралью, соединяющей фронт с тылами, и потому усиленно охранялась.

Однажды, в середине февраля 1942 г., мы наблюдали воздушный бой. На нашего одного «ястребка» ринулись, как коршуны на добычу, пять «мессеров». Пилот «ястребка» оказался ловким малым. Отстрелявшись, имитируя падение, приземлился на небольшой лесной поляне, совсем недалеко от нас. Мы все дружно побежали к нему. Вылезает из кабины целехонек, самолет изрешечен пулями, ведет и мотор. Пилота буквально подхватили на руки, накормили, напоили. Он связался со своей частью и уехал к себе. Потом прибыли механики, сняли что-то с машины, а остальное осталось.

Шли непрерывные бои, 2-я ударная армия при поддержке 59-й армии справа медленно продвигалась с целью захвата г. Любань и окружения Чудовской группировки противника. Образовался опасный мешок с узкой горловиной в районе деревень Спасская Полисть и Мясной Бор.

В начале марта 1942 г. резко осложнилось положение 2-й ударной армии. Ее войска, а вместе с ними и 6-й ОГМД, продвинулись на 75—80 км от р. Волхов в направлении на г. Любань. Домия захватила большой лесной-болотистый район между железными дорогами Новгород-Ленинград и Новгород-Чудово.

Из-за отсутствия дорог, растянутости коммуникаций резко снизилось обеспечение войск боеприпасами, горючим. Очень часто машины и танки стояли без горючего.

Я все время в дороге с Ванюгиным и тремя бензовозами. Спим, если удастся, в машинах, по очереди сменяем водителей. Командир требовал не менее трехсуточного запаса горюче-

смазочных материалов. Где и как ты их достанешь – твое дело, но чтобы горячее было в любой момент.

Дивизион в это время находился в 10—12 км северо-западнее того места, где чудом спасся пилот нашего ястребка.

И вот, однажды, снова наблюдаем воздушный бой, в этот раз наших было три истребителя, а «фрицев» гораздо больше. Больно было смотреть, как один за другим воспламенялись и падали наши самолеты. Черные мессеры с белыми крестами напали на оставшийся третий «ястребок». Кто-то крикнул:

– Подбили, гады.

Самолет начал снижаться, планируя на территорию, занятую нашими войсками, с хвоста повалил дым.

Я, нач. бой и несколько солдат сели в галку и поехали к подбитой машине. Машина горела, недалеко уже были другие солдаты.

– Пилот погиб? – спросили мы.

– Нет, вон там, у командира в КП.

Подходим, и, о чудо! Тот же пилот. Мы все его сразу узнали, и он нас. Ведь с тех пор прошло только пять дней.

Как сложилась его судьба? Выжил ли он в этой войне? Это был настоящий герой, а шел только второй год войны.

Снабжение частей все более усложнялось, непрерывно обстреливалась артиллерией противника горловина мешка, проезд через которую осуществлялся только с наступлением темноты. С двух сторон коридора выстраивались в лесу машины: с одной стороны с грузом, с другой – порожняк. По команде регулировщика через определенный интервал одна за другой сначала с грузом, машины на полном газу проезжают по лежневке. Если какая-нибудь машина остановится (дорога однопутная), немедленно ее отправят с лежневки в сторону. Длина горловины около 20 км, ширина – только 2 км.

В мешке находилась 2-я ударная армия, половина 59-й армии и целый ряд приданных им частей, в том числе три дивизиона «катюш». Чувствовалась большая напряженность, продвижение наших войск на соединение с Ленинградским фронтом приостановилось, 2-я ударная перешла к обороне. Я со старшиной Ванюгиным с тремя бензовозами снова в дороге за горячим, удачно проскочили горловину и направились к складу горючего, который находился в лесу за 35 км от горловины, а от расположения дивизиона около 100 км. Подъехали к складу – никого нет. Понятно, склад ГСМ перебазировался, но куда? С трудом, после долгих поисков, в расположении какой-то тыловой части нам сообщили, где его искать. Он перебазировался на восток, километров за 50, что плохая примета. Предъявил своим документы, старшина-кладовщик посмотрел на них, потом на меня и говорит:

– Бензина нет.

– Как нет, почему нет? Ты знаешь, что мы за часть?

– Мы гвардейские минометные части «катюши», слышал ты? – возмущаюсь я. Ничего не помогает. Чувствуем, что бензин у него есть. Куда ехать жаловаться, знаю по опыту, это бесполезно. Тут мой старшина Ванюгин несет ему водку, колбасу, консервы.

– лейтенант, – говорит мне Ванюгин, – водку, колбасу взял и требует еще, чтобы ты поменялся с ним пистолетами, иначе не даст все 9 т.

У меня был новенький «ТТ» в хорошей кобуре, и он, очевидно, его приметил.

– Покажи твой пистолет, – подхожу я к нему. Вытаскивает из потрепанной кобуры старый «наган». Делать нечего, отдал я ему свой «ТТ», а теперь скорее в часть, уже и так мы в дороге 18 часов. Еще полсуток простояли перед горловиной, проезд был закрыт из-за сплошного минометного огня, во многих местах лежневка была разрушена и ее восстанавливали. Наконец, разрешили ехать.

С каким нетерпением нас ждали! Командир дивизиона уже хотел посылать за нами гонцов. Это было накануне 8 марта 1942 года, приказано всем машинам заправить полные баки и быть готовыми к маршу. Ждали возвращения начбоя, который уехал в штаб 59-й армии за разнарядкой на снаряды, но его все не было. Как потом выяснилось, его задержали в штабе.

– По машинам! – и весь дивизион глубокой ночью двинулся из мешка, кругом стрельба, двигались в абсолютной темноте, каждый командир установки шел впереди ее и подсвечивал водителю. Так прошли самые опасные 15 км коридора горловины, не обошлось без потерь: разбиты две автомашины, одна установка серьезно повреждена, погибли четыре бойца.

19 марта 1942 г. немцы перерезали горловину, и вся 2-я ударная армия, вместе со своим штабом, ряд других частей, ее поддерживающих, оказались в окружении в этом злополучном мешке. Немногим удалось выбраться из окружения, приходили измученные, полуживые люди.

В дальнейшем, в марте, наши войска, после подхода резервов, разрывали кольцо окружения. Но пробитый коридор оставался узким и все время находился под усиленным огнем противника.

В окружении остались два других гвардейских минометных дивизиона. Вышли у них из окружения только несколько человек. Среди них один офицер, который рассказал нам, что их дивизион также получил команду выходить ночью на 8 марта из мешка. Но начальство решило отправляться в марш со знакомыми женщинами из санбатальона, загуляли и «пропили все».

Когда кинулись уходить, было уже поздно, правда все установки взорвали. Вот яркий пример преступного отношения «горе-командиров» к вверенным им людям и технике.

Почему же все-таки допустили, чтобы немцы закрыли мешок, неизбежна ли была трагедия второй ударной армии?

На эти вопросы многочисленные мемуары участников тех боев ответа не дали, учащают об этом и историки Отечественной войны. Мое мнение, причина одна: не было надлежащей поддержки наступательным действиям второй ударной армии. Армию создали, назвали ударной, и теперь наступайте, соединяйтесь с Ленинградским фронтом.

Надеялись, что немцы не имеют в этом районе мощных сил, какие у них были под Москвой. Действительно, основная группировка немецких войск была южнее, готова летнее наступление 1942 года.

Налицо грубые просчеты Волховским фронтом. За аналогичные просчеты в армии противника командиры были бы разжалованы, в лучшем случае.

Представителем ставки на Волховском фронте был Ворошилов, на его совести также лежит трагедия второй ударной армии.

Глядя на схему, которая примерно выдержана в масштабе, даже не сведущему в военном деле ясно видно, насколько опасно было положение 2-й ударной армии, которая завязала в болоте, не имея нужной поддержки со стороны 59-й и 4-й армий, и, особенно, поддержки с воздуха.

Почти месяц дивизион приводил себя в «порядок», вышедшие из окружения солдаты и офицеры двух других дивизионов были включены в наш 6-й ОГМД.

Дивизион перебазировался в район г. Чудово, боевые установки все время выезжали на огневую и давали залпы по территории, занятой врагом. После того, как немцы завязали мешок, линия фронта выровнялась, положение на Волховском фронте стабилизировалось. Как с нашей стороны, так и с немецкой, войска понемногу перебрасывались на другие фронты. А в это время в многострадальном Ленинграде погибали сотни тысяч людей от голода и холода.

Командир сообщил нам, что дивизион перебрасывается на Воронежский фронт.

Читатель спросит, а Власов, командующий 2-й ударной армией, ведь он предал армию, сдавшись в плен.

Полного, основанного на достоверных фактах, анализа трагедии этой армии никто не делал. Как участник тех боев скажу, что когда 2-я ударная успешно наступала, потеснив противника почти на 90 км, Власова ставили в пример командирам 59-й и 4-й армий Волховского фронта, которые вместо того, чтобы так же наступать, мобилизовав свои резервы, на г. Любань справа 2-й армии, топтались на месте, ссылаясь на недостаток сил, прося помощи фронта. Фронт также просил у ставки помочь резервами – но безуспешно.

Напрашивается вывод, что этот рейд 2-й ударной не был всесторонне проработан в штабе Волховского фронта. Здравствуйтесь, сыграли «победные реляции», посылаемые штабом фронта в Ставку об успешном наступлении 2-й ударной в начале операции.

Власов же, этот честолюбивый властолюбец, жаждал как можно скорее добиться славы, пренебрегая советами своих подчиненных об опасности окружения, и в результате попал в ловушку. Вот еще один пример деятельности «горе-командиров» высшего ранга, на совети которых тысячи погибших и попавших в плен солдат и офицеров, храбро сражавшихся до конца. Теперь, к сожалению, их считают пропавшими «без вести».

Прибыли мы на Воронежский фронт на ст. Поворино в начале июня 1942 г. Двигался эшелон в основном ночью, днем отстаивались на глухих полустанках. Неоднократно подвергались бомбежке, а в основном все закончилось благополучно. На станции Поворино немедленно разгрузились и выехали за ее пределы, так как этот большой железнодорожный узел немцы непрерывно бомбили. Как потом выяснилось, на Воронежский фронт и под Сталинград были переброшены более ста гвардейских минометных дивизионов, там мы вошли в состав 21-го гвардейского минометного полка.

Наш 21-й гвардейский минометный полк поддерживал стрелковые дивизии, сдерживающие гитлеровские полчища в излучине р. Дон.

Конкретно 6-й ОГМД имел задачу охранять понтонную переправу через р. Дон в районе ст. Иловля. Боеприпасы доставлялись на ст. Иловля и затем нашими автомобилями подвозились к установкам. Читатель помнит, что один залп дивизиона – это 16 снарядов. По инструкции дивизион должен иметь пятикратный запас снарядов – 980 шт. Все снаряды около 40 кг, длина 160 см, снаряды упаковывались в деревянные ящики, по два в каждый. На складах строго-настрого требовали возврата ящиков, иначе снаряды не выдавались. Из расчета грузоподъемности автомобилей и пятикратного запаса снарядов, дивизион имел 20 грузовых автомобилей ГАЗ-2А.

В тех боях приходилось давать три, а то и все пять залпов. Машины непрерывно были в дороге: 10 машин подвозили, другие 10 с пустыми ящиками уезжали за снарядами, конечно, если они были на станции назначения.

До сих пор я удивляюсь, как авторемонтникам удавалось держать технику в боевой готовности. Конечно, большую роль сыграла квалификация водителей.

К какой армии мы были в этот период – конец июля 1942 г. – приданы, и какую часть конкретно поддерживали своим огнем, я не знал, да и знать мне – воентехнику, не положено. Наше дело – боевая готовность техники.

Нужно сказать, что довоенные автомобили ГАЗ-2А и ЗИС-6 были надежные машины, хотя зачастую их приходилось заводить вручную.

Разгромив наши войска под Харьковом в июне-июле 1942 г., немцы продвинулись к Дону с целью выхода на Волгу и захвата Сталинграда. На юге они оккупировали Кубань, захватив даже горные перевалы Кавказа.

Вот как описывает обстановку в тот период командарм Москаленко, непосредственный участник тех боев: «Южнее Воронежа наши войска перебрались на восточный берег Дона и заняли оборону. Верховное командование – Ставка – начала переформирование армий, подтягивала новые резервы. В излучине Дона в районе Калача наши войска удерживали натиск противника, стремившегося переправиться через реку Дон, захватить Калач, а там – кратчай-

шая дорога на Сталинград. Контрударами 1-й и других армий противник в районе Калача был остановлен, а большего осуществить не удалось, так как противник (в основном 6-я армия Паулюса) располагал большими силами и средствами на этом участке фронта. К тому же, авиация противника имела подавляющее превосходство в воздухе. На помощь войскам, рвавшимся к Сталинграду, противник перебросил 4-ю танковую армию с Кавказского направления».

К концу июля 1942 г. врагу удалось глубоко продвинуться на Воронежском и Сталинградском направлениях.

В этот грозный для Советского Союза час был издан приказ наркома обороны №227, который нам зачитали перед строем дивизиона. Все, кто воевал и дожил до тех дней, хорошо знают содержание этого приказа, который гласил: «Ни шагу назад», предусматривал организацию заградотрядов, штрафных рот и батальонов для рядовых и офицеров, и другие меры.

Офицер, не выполнивший приказ своего командира, или допустивший отступление воинской части, которой он командовал, без приказа на это высшего командования, попадал в штрафной батальон, разжалованный в рядовые и был обязан кровью искупить свою вину.

Штрафные роты, батальоны направлялись на передовую, прямо в бой на прорыв. Если такой штрафник был ранен и своевременно доставлен в госпиталь, то ему повезло: провинность снимается, в некоторых случаях восстанавливалось офицерское звание. Но обычно раненых было очень мало, в основном люди погибали.

Положение на Сталинградском фронте все более усложнялось. Наш дивизион уже в составе 21-го гвардейского минометного полка все время поддерживал своим огнем войска, удерживающие плацдарм северной части малой излучины р. Дон.

Особенно жестокие бои шли во второй половине августа 1942 г. Противник непрерывно атаковал наши позиции, не хватало снарядов. Из рук вон плохо работали службы обеспечения боеприпасами в условиях, когда армии не закончили формирование.

Гвардейские минометные части снабжались боеприпасами и горючими по разнарядке штаба армии, которую мы поддерживали. Посланный командиром дивизиона капитаном Дибрава начбой за снарядами уже второй день не возвращался; дивизион стоял без боеприпасов, практически бездействовал.

Наступило 23 августа 1942 г. Командир дивизиона вызвал нас – старшего лейтенанта и меня – и поставил нам задачу: во что бы то ни стало привезти снаряды. О месте получения снарядов нам сообщат в штабе армии.

Судя по мемуарам того же Москаленко, это была 1-я танковая армия, вновь сформированная, штаб которой находился в лесу, в районе Фролово.

Итак, утром 23 августа 1942 г. я поехал в штаб армии узнать, где для нас снаряды. С трудом, после долгих мытарств, нашел землянку начальства боепитания армии. Захожу – никого нет. Слышу, за занавеской кто-то стучит на машинке. Отдергиваю занавеску: за машинкой сидит миловидная девушка в военной форме, появляется полузаспанный подполковник. Мимоходом замечаю: рядом возле стола с машинкой стоит чисто убранная кровать. Соображаю: это кровать девушки, а ложе подполковника, наверно, за деревянной перегородкой. Докладываю подполковнику, что я из 6 ОГМД, прибыл узнать, где наши снаряды, и что автомашины с тарой – ящиками – и солдаты меня уже ждут. В ответ слышу:

– Лейтенант, выйдете и доложите, как положено.

Выхожу из землянки и тут соображаю, что я не отдал честь, когда появился этот подполковник. Ах, ты, «скотина», живет, наверно, с «бабой», спит на чистенькой кровати, «штабная крыса». С этой мыслью возвращаюсь в землянку, козыряю и докладываю по уставу.

– Ваши снаряды на станции Котлубань, в 15 км от Сталинграда.

Девушка тут же напечатала разнарядку на бланке штаба, подполковник подписал, поставил печать.

Вместе с начхимом, который был старшим, мы наметили маршрут движения. Предстояло ехать около 100 км, решили двигаться с интервалом 300—400 м машина от машины. Решили сделать две остановки колонны, двигаться не по шоссе, которое постоянно подвергалось бомбежке, а в стороне по проселочным дорогам или прямо по полям.

Кругом степь, сушь, жара. Начхим впереди колонны, я ее замыкал. Рассчитывали доехать до цели еще засветло, нагрузиться и ночью двинуться в обратный путь. Но увы! Этому не суждено было сбыться.

Еще в начале пути мы заметили, что нашу колонну все время сопровождает самолет-разведчик «фокке-вульф», так называемая «рама», то снижаясь, то поднимаясь ввысь.

Это нас держало в напряжении, все время приходилось маневрировать, сидящие в кузовах солдаты-грузчики постоянно вели наблюдение за ним. Но самолет покругил и улетел.

Продолжаем путь на юго-восток, было уже за полдень, подъезжаем к пункту первой остановки, где наметили перекусить.

Вся колонна стоит перед шлагбаумом, подхожу, начхим уже разговаривает с солдатом у шлагбаума.

– В чем дело, почему не открывают шлагбаум?

Спрашиваем у солдата, какой он части, где начальство. Говорит, что он из саперной роты, командир роты должен быть в деревне – 2 км отсюда.

Поехал туда начхим, солдат-сапер остался на посту.

Вскоре он возвращается и говорит, что в деревне никого нет, уехали на станцию Котлубань.

Эта саперная рота ремонтировала железную дорогу, проходящую через деревню на ст. Котлубань и далее на Сталинград.

Солдат же был поставлен у шлагбаума, чтобы не пропускать машины, так как, по словам какого-то военного начальника, дальше ехать было опасно: немцы прорвали фронт, и танки с крестами движутся на Сталинград.

Посоветовались с начхимом, вроде никаких признаков опасности нет, выстрелов не слышно. Саперы уехали на ст. Котлубань, наши снаряды там же. Возвращаться без снарядов – значит не выполнить боевой приказ.

В штабе армии подполковник, посылая нас на ст. Котлубань, обязан был знать обстановку. Тут что-то не то: под видом какого-то начальника мог быть просто провокатор или паникер.

Памятуя о приказе №227, где о «паникерах» тоже было сказано, мы посадили солдата-сапера на одну из машин и помчались на ст. Котлубань. Не доезжая нескольких километров до Котлубани, я заметил множество движущихся нам навстречу точек. Вскоре видим: это наши солдаты, в беспорядке, все по степи бегут с котомками и шинелями на плечах, некоторые без оружия, пересекая дорогу, по которой мы двигались, отступали на восток.

Наша колонна остановилась, я подошел к одному из солдат и спросил:

– В чем дело? Где командиры? Какая часть? Почему отступаете?

Однако вразумительного ответа не получил. Солдат только сказал, махнув рукой:

– Что, не видите? Отступаем.

Время было уже за полдень, жара невыносимая. По лицам солдат течет пот с грязью.

Станным показалось отсутствие командиров. Может быть, они шли или ехали где-нибудь в стороне от нас.

Все-таки мы решили ехать на ст. Котлубань. Подъезжая к станции, слышали выстрелы, по нашим машинам били с миномета. На самой станции слышны пулеметные и автоматные очереди. Станция горела, горели железнодорожные составы. Подбегаю к домику возле станции, в надежде увидеть кого-нибудь. Никого, только несколько трупов. Скорее вижу, чем слышу:

– Лейтенант Воробьев, быстро к машинам!

Бегу, рядом взрываются мины. Несколько наших автомашин пылают. Начхм уже уехал на Сталинград, оставив одну машину для меня и двух солдат. Мы немедленно двинулись на восток, к Сталинграду. Шоссе хорошее, видимость также, хотя уже было около 7 часов вечера. Развили максимальную скорость, сколько можно было выжать из довоенного ГАЗ-2А.

Вижу впереди колонну, но почему она стоит? Останавливаемся и мы. Только водитель успел притормозить, не выключая двигателя, как через кабину, впереди нас с водителем пулями было разбито стекло.

Пригнувшись, я открыл дверцу кабины и вывалился наружу, то же сделал водитель с другой стороны машины.

Ползком отполз от машины метров на 10—12. Кругом слышен визг пуль, стреляют из автоматов. Лежу распластавшись на земле, как на зло нигде ни одной хотя бы кочки, кругом степь и даже кюветов нет. Слышу крики, команды на немецком языке. Подходят ко мне, что-то говорят. Я притворился убитым. И вдруг удар носком ботинка в бок. Потом я узнал, что ударом солдатского ботинка в бок они узнают, убит человек или жив.

– Aufschtechen! (Вставай), поднимаюсь, в боку нестерпимая боль.

– Händ hoch (руки вверх), поднимаю руки, все делаю механически, команды понимаю, так как в школе и институте изучал немецкий язык.

В сумерках различаю рыжего немца.

– Du gist ofizier? (ты офицер) – спрашивает меня.

– Nein, ich bin Kzafzflicher (нет, я шофер).

Как только я ответил по-немецки, лицо немца, а это был фельдфебель (наш старшина), стало менее свирепым.

С нашей машины остались живыми я и водитель, правда, он был легко ранен в ногу. Стало совсем темнеть. Выводят нас на дорогу, подходит группа людей, различаю наших солдат с других машин – 7 человек. Итак, нас осталось в живых только 9 из 38 человек.

Очевидно, фельдфебель был старшим по званию, обычно у немцев это командир взвода или даже роты.

Инстинктивно мы все отреагировали вместе, одеты в летнее обмундирование и почти все без пилоток.

У меня была хорошая портупея и пистолет «наган», который фельдфебель забрал себе. Так что я был и без ремня. В таком виде мы стояли на дороге и ждали своей участи.

Немцы переговариваются между собой; слышу голос фельдфебеля и жест рукой на запад – мол, идите туда.

Ощущаю, что сейчас двинемся, а нам в спины из автоматов.

Идем все дальше и дальше; почти темень. Черное небо, недалеко вспышки орудий, сигнальные ракеты, кругом на востоке и юго-востоке – зарево. Пронесло, значит, не расстреляли. Различаем поле ржи. Какая рожь! Уже начала осыпаться. Зашли глубоко в поле и сели.

Это было 29 августа 1942 г. близко полуночи. Сидим все молча, только водитель моей машины, раненый в ногу, стонет. Кое-как впотьмах сделали ему перевязку из его же нательного белья.

В «Литературной газете» от 27 сентября 1987 г. есть заметка: «Один день войны», в которой написано, что много лет спустя журналист-писатель В. Песков спросил Маршала А. М. Василевского: «Какой был самый тревожный, самый драматический день войны 1941—1945 гг.?» Маршал вспомнил тревожные дни в Москве осенью 1941 г., но тут же назвал и другую дату – 23 августа 1942 г. В тот день, сметая наши войска, к Волге прорвался немецкий танковый клин. Маршал хорошо помнил этот день. Я этот день буду помнить до конца жизни.

И вот странно, несмотря на все переживания, мы вскоре легли на теплую еще рожь и уснули.

Начало светать. Просыпаясь, в сознании – а не сон ли все это? Оглядываясь, почти все уже не спят. Сидим, молчим, каждый со своими думами. Я один офицер, остальные солдаты, среди них три водителя.

Как я уже говорил, водители в дивизионе были, в основном, с Кубанского края – уже не молодые. Вижу: эти кубанцы и еще два солдата отделились и о чем-то переговариваются. Со мной остались три солдата. Я советую всем вынуть, у кого какие есть документы, и закопать здесь же, в поле.

Кубанцы мне уже не подчиняются и хотят немедленно выйти из укрытия.

– Давайте разведем, может быть, есть шанс пробраться к своим на северо-восток, – говорю я.

Все молчат. Пригревает августовское солнце, мучает жажда. Слышим шум моторов и голоса людей. Речь немецкая. Выглядываем, и перед нами картина: кругом, сколько охватывает взор, в 300—400 м от нас, стоят автомашины разного типа, бензовозы и другая техника. Это были тыловые части 1-го танкового корпуса немцев, который прорвал наш фронт и стремительно двинулся на Сталинград.

Теперь отвлекусь от истории своего пленения, чтобы поговорить о проблеме наших военнопленных вообще.

Да, по старинным понятиям я сдался в плен, так как при мне был пистолет, заряженный восемью патронами, и я мог, при приближении немцев, не будучи раненым, убить хотя бы одного немца и последнюю пулю послать себе в лоб. Но я этого не сделал. И не сделал потому, что инстинкт сохранения жизни возобладал, мне ведь было только 23 года.

Я много читал разных авторов, бывших военнопленных, книги которых изданы спустя 30—40 лет после начала войны. И во всех случаях эти «писатели» пишут, что в плен они попали или контуженными, или тяжелоранеными.

Позволю себе со всей откровенностью заметить, что эти авторы, мягко говоря, лгут, рассчитывая на современного молодого читателя, который об этом не имеет ни малейшего представления.

Пройдя всю жестокую школу плена, я категорически заявляю, что, будучи даже легко раненым, человек, попавший в плен в условиях окружения или другой ситуации, погибал. Погибал от потери крови, от заражения. Погибал потому, что не мог двигаться, от голода, жажды и так далее.

Обрати внимание, молодой читатель: этот «писатель» сообщает, что попал в плен тяжело раненым или контуженным, и ничего более. Кто его подобрал, антисептировал раны, перевязал, менял повязки, лечил, кормил, пока он не выздоровел – об этом ни слова. Что, это ему все делали фашисты? Чепуха. Тогда, может быть, сам господь бог помог ему?

Правда, были наши солдаты и офицеры тяжелораненые-калеки в плену. Это, в основном, молодые ребята, танкисты, которых я видел в отдельном блоке во Владимиро-Вольском лагере для советских военнопленных офицеров. На них немцы, врачи-хирурги, учились оперировать, производили разные медицинские опыты. Все они, в конечном счете, погибли. Ибо как может выжить человек без двух ног и слепой к тому же, или без двух рук – в плену? Наконец, известно (медики это очень хорошо знают), что в основном умирали в наших госпиталях те раненые, которым не была своевременно оказана медицинская помощь. А наш «писатель» вернулся домой целехонький, жив-здоров, и еще «сочиняет». А если копнуть его поглубже, как говорится, «на духу», так все это чистой воды брехня.

Одно печально, что многие принимают эту «писанину» за чистую монету. Бывают даже пьесы и фильмы о таком «герое».

Глава II. Плен /1942—1945 гг./

Солнце поднимается все выше, жажда нестерпимая. За рожью шум усиливается, слышна немецкая речь, смех и музыка.

Кубаны выходят и идут туда. Поднимаемся и идем мы трое. Приближаемся к машинам – никто на нас не обращает внимания, все чем-то заняты, в основном завтракают, так как с котелками и ложками. Подходим к группе солдат и вдруг слышу русскую речь:

– Что, ребята, попались? Жрать хотите?

Я спешил. Спрашиваю его, кто он и что он здесь делает.

– Я русский, вожу снаряды.

Вот это да! В фашистской армии работают русские люди, непосредственно участвующие в боевых операциях.

Около нас сгрудились немцы, слушают мой разговор с этим «русским». Сам он из Таганрога, и вот уже третий месяц у немцев – подвозит снаряды. Спрашиваю его:

– И много вас таких тут?

– Есть, – говорит, – несколько.

Пошел он куда-то и приносит несколько котелков рисовой каши с мясом. Пока он ходил, я попросил «вассер», пили много, даже глазевшие на нас немцы удивлялись. Сидим, кушаем. Наконец, подходит какой-то офицер в очках, типичный «технар».

При помощи таганрогского мужичка ведем разговор. Снова слышу:

– Du gist ofizier? (ты офицер) – Тычет рукой в отвороты моей гимнастерки.

Наши гимнастерки на солнце порядком выцвели, и на моей четко виднелись следы от двух кубиков, которые я снял, когда был во ржи.

Отвечаю, что я техник-лейтенант.

После перевода немец говорит, что он мой коллега, но все же решил устроить мне экзамен. Подводит к автомашине, вижу, наш ЗИС-5, сам садится в другую машину и делает знак, чтобы я ехал.

Делать нечего, завожу машину и трогаюсь. Далеко не уедешь, кругом машины загораживают путь. Мои кубанцы подходят к офицеру и что-то ему говорят, после чего переводчик куда-то их отводит. Больше я их не видел. Весьма вероятно, что эти мужики последовали примеру таганрогца.

Теперь попробуем побывать на месте этих солдат в то время, вникнув в сознание рядового человека, не ведавшего, что планирует начальство, тем более Ставка верховного командования, но зато четко представляющего, что немец уже на Волге, захватил значительные территории Советского Союза.

Для них война закончилась. Теперь скорее нужно вернуться на Кубань – домой, к своим семьям. А пока главное – остаться живым. Такова психология обывателя, выработанная двумя десятилетиями изуверской политики Сталина по отношению к народам Украины, Северного Кавказа, Кубани. Вспомним насильственную коллективизацию, ликвидацию кулачества как класса, голод 1932—1933 гг.

Остались мы четверо. Раненый водитель почти не мог уже ходить. Вскоре нас отвезли на хутор Вертячий и поместили в подвале какого-то строения. Здесь было уже до сорока человек. Вечером отвезли в степь и поместили в овечью кошару. Это был загон для овец, приспособленный под лагерь военнопленных: обнесен двумя рядами колючей проволоки со сторожевыми вышками для охраны.

В этом, так называемом, лагере было уже несколько тысяч военнопленных и лиц в гражданском, попавших в плен в этот злополучный день – 23 августа 1942 года.

В послевоенном фильме «Сталинградская битва» этот день назван был диктором «черным днем» Советской Армии. Ужасную ночь мы пережили с 24 на 25 августа. Несколько раз за ночь кошару бомбили наши самолеты, приняв ее за скопление противника.

А может быть, немцы специально сделали этот лагерь на открытой местности, чтобы отвлечь наши самолеты от действительных целей.

Всю ночь продолжалась артиллерийская стрельба. Совсем недалеко, очевидно, шли бои, но почему-то канонада раздавалась не с востока, а с северо-запада. Охрана все время давала предупредительный огонь из автоматов. Какой-то тип погрузки выкрикивал в мегафон, чтобы все оставались на местах. Подняв темень, во многих местах слышны крики и стоны раненых после бомбежки.

Наконец, рассвет. Появляются два охранника, вооруженных до зубов, и с ними штатский. Отобрали нескольких военнопленных, вручили им лопаты, велели собрать убитых и захоронить тут же, в кошаре. На раненых никто не обращает внимания. Одна из женщин (в лагере были плененные медсанбатовцы) подводит охранников и переводчика к раненой женщине, которая лежит без сознания с раздробленным бедром, и просит оказать ей помощь. Что-то сказав друг другу, один из охранников подошел к лежащей и выстрелил ей в висок. Много раз потом, вспоминая этот случай, я пришел к выводу, что это был, пожалуй, лучший вариант для раненой в тех условиях. Мы уже почти сутки в кошаре, ни воды, ни еды; переводчик говорит, что и завтра ничего не будет, так как немецкие войска, а с ними и наш лагерь, отрезаны советскими войсками от своих тылов, и снабжение отрезанных войск идет по воздуху.

Этот факт подтвержден в мемуарах маршала Г. К. Жукова, где он пишет: «14-й танковый корпус немцев прорвался в районе хутора Вертячий и вышел к Волге. Наши войска, отошедшие на северо-запад, атаковали противника с севера и отрезали 14-й т.к. от своих тылов, который вынужден был несколько дней снабжаться по воздуху».

Правда, воду привезли, а в остальном – выживать, кто как может. Проходит вторая ночь в кошаре, не бомбят, наверное, разведали наши, что бомбили своих, а не немцев. Еды никакой, и только к вечеру на третьи сутки привезли в бочках «баланду» (лагерное название подобия супа). Конечно, никакой посуды, ложек у нас пятерых не было. О! Как мы завидовали тем, кто имел котелки и ложки. Только тогда я понял, что это основное в плену.

Ребята нашли старое, ржавое ведро с дыркой. Кое-как дыру законопатили и пошли получать баланду.

Раздавал ее все тот же переводчик, не переставая напоминать нам, что мы должны благодарить немцев за пищу. Этот дядя, правда, не скупился и наливал всем полную посуду, какую ему подносили, но, однако, каждому смотрел в глаза и вел счет.

Нашлись у него и помощники среди наших военнопленных – будущие лагерные «придурки», немецкие холоуи, полицаи, которые за лишний котелок баланды готовы убить собственную мать.

Получили баланду на пять человек. Теперь проблема, как кушать. Решили черпать по очереди из ведра. Одолжили у одного из тех, кто уже поел, посудину, которой и черпали.

Один ест, а у других текут слюнки. Никаких разногласий и споров пока еще не было: тому, мол, гуще, больше. Ведь это было только начало, еще плен не укладывался в нашем сознании.

Утром 27 августа команда: «Всем построиться». Приехали до дюжины вооруженных немцев на лошадях и две брички. Всех нас разделили на сотни, назначив старшего и его заместителя. По сотням выводили из кошары.

Многие раненые, в числе их и мой водитель, пошли со всеми. Кто не мог идти – остались. Уверен, все они погибли.

Выстроилась колонна. Впереди бричка с двумя охранниками, сзади также бричка, по бокам охранники на лошадях.

Двинулись на запад, жара, пыль. Сначала сотни шли с некоторым интервалом, потом все смешалось.

Более крепкие и молодые, среди них и я с тремя солдатами из своего дивизиона, старались быть впереди колонны, чтобы не дышать пылью сотен ног. Голода не ощущали, мучала только жажда. Раненые отставали, их пристреливали. Отстал и наш водитель.

Подшли к Дону. Какой-то бывший поселок, сейчас – груда развалин. Прямо из реки напились воды вволю.

Прошли уже не менее 20 км. Усталые люди падают и тут же засыпают, благо на дворе август и ночи в этих местах теплые.

Мой вид следующий: в летних брюках и гимнастерке х/б, без головного убора. Заросший, выгляжу стариком. Единственная не мне хорошая вещь – хромовые сапоги, полученные еще в академии, в Москве.

По временной переправе перешли р. Дон. Колонна значительно поредела. Идем дальше на запад. Охранники жрут, пьют, веселятся в бричках.

Проходим какую-то станицу в донских степях. Ни души, жара донимает, мучает жажда.

Наконец, довольно большой населенный пункт. Объявляется двухчасовой перерыв.

Невзирая на стрельбу конвоя, бросаемся к полузасохшему ручейку, падаем и сосем жижу. Кое-как утоляем жажду, во рту песок, режет в желудке. Резко ощущаю голод.

Начиная с этого населенного пункта конвой был смещен. Вместо немцев по сторонам колонны стали наши, «советские», донские казаки – юнцы по 16—18 лет. Все в военной немецкой форме, на лошадях, в руках плетки, за плечами – немецкие автоматы.

Только спереди и сзади колонны на бричках ехали немцы.

И вот эти конвоиры – юнцы, не стесняясь, подгоняли плетками своих же отцов.

Чем дальше на запад, тем люднее станицы и тем менее они разрушены. Из населения, в основном, – бабы, дети, старики. Все они глядели на нашу колонну без всякого сочувствия, я бы сказал, даже с ухмылками. Помню такой случай: проходили через станицу, вдоль улицы стояли бабы, дети и старики, в неизменных своих донских фуражках. Кто-то из колонны крикнул им:

– Подайте воды, конвой вас не тронет!

Никто даже не шевельнулся, только полетели в нас обладающие арбузные корки, за которыми в пыль бросились многие из нас.

Вот как встречало нас славное донское казачество. Не берусь их осуждать. Логика деревенского обывателя проста: немец дошел до Волги, оккупировал всю Европу и значительную часть Европейской части Советского Союза, а жить и растить детей нужно, когда кончится война и возвратятся домой мужики, знать им не дано. Вот и выкручиваются бабы, кто как может, некоторые пошли в услужение к немцам ради льгот и материальной выгоды.

Немцы же, хорошо зная, что казачество всегда было надежным оплотом царизма, также стремились создать для них особые привилегии. Казачью молодежь не угоняли в Германию. Раздали им землю (колхозную), брали меньший налог.

Нужно отметить, что эта тактика оккупантов: натравливание народностей друг на друга, разжигание национальной розни, создание привилегий отдельным слоям населения, широко внедрялась на оккупированной территории.

Движение по донским степям уже четвертые сутки. Основная пища – колоски, которые срываем по дороге с неубранных полей. Жуем и проглатываем сырое зерно. Живот набряк и пучит, я уже несколько суток не оправлялся, ничего не получается, хоть волком вой. Наконец, после долгих мучений оправился с кровью. Теперь зарекся – сырое зерно не кушать, как бы я ни был голоден. Этот зарок спас меня от тяжких последствий, которые испытали многие из нас.

Счет суткам потеряли, бредем толпой в туче пыли, все больше людей отстает. Наконец, показался большой город. Это был г. Миллерово.

Нас осталось не более одной трети. Заводят в большой котлован (бывший карьер глины кирпичного завода). Диаметр этой ямы примерно 250—300 м, глубина – до 15 м. Единственный въезд в яму закрывается воротами, вокруг вышки с пулеметами.

В этом открытом лагере было более 30 тыс. человек. Посредине ямы, начиная почти у ворот и до противоположного конца, врыты в землю деревянные бочки (15 шт. на расстоянии примерно 20 м друг от друга), в которые выливалась привезенная из кухни пища. Кухня находилась вне лагеря, недалеко от большой кучи зерна, бывшего тока. Там варили один раз в сутки «бланду»: суп-кашу, иногда с кониной, и привозили к часу дня. Вечером, в 7 часов, кипятков. Порядок кормления следующий: все становились в 15 шеренг у бочек по одну сторону ямы. У каждой бочки стоял раздатчик с черпаком. Получивший бланду обязан был находиться по другую сторону бочек. Там он ел и там же оставался до тех пор, пока остальные не получат еду. Просто и надежно.

За порядком следила местная полиция, возглавлял ее назначенный из военнопленных «начальник лагеря». Он же ежедневно выделял до 100 человек рабочих на кухню и на местный завод подсолнечного масла.

Брались на работу более или менее хорошо выглядевшие, здоровые люди. Всякий раз они с работы что-нибудь приносили.

Я за полтора месяца пребывания в этом лагере так и не смог попасть в эту рабочую команду. Не подошел по своему виду.

«Обед» длился 2—3 часа, затем специально выделенные люди, каждый раз новые, мыли бочки и, конечно, съедали остатки.

Вечером в эти бочки наливался кипяток. Два раза в неделю давали кусочек хлеба, не более 200 г. Черпак «бланды» был литра на полтора, иногда попадались куски мяса (битых лошадей). А если имеешь «блат» с раздатчиком, то всегда будешь с мясом. Раздатчики, лагерная полиция, работники санчасти – тоже все военнопленные. Жили они в бараке недалеко от ворот. Все остальные – под открытым небом. От непогоды прятались в норах, вырытых в стенах карьера.

Шел сентябрь 1942 года. Еще тепло в этих краях, но по ночам прохладно. Спим вдвоем в норе на подстилке из соломы. Грязные, все тело чешется, завелись вши. Днем, когда пригревает солнце, занимаемся их уничтожением, однако эффект незначительный.

Я решил обрить бороду. Но каким образом это сделать? Оказывается, можно побриться за соответствующую плату. Плен пленом, а жизнь идет даже в этой яме.

Люди стараются группироваться по национальностям. Особенно оживленно на территории, где сосредоточились узбеки и другие национальности Средней Азии. Там ежедневно устраивается что-то вроде базара: обменивают, продают, бреют и стригут, в общем, типичный восточный базар в миниатюре.

Вокруг нашей ямы-лагеря ежедневно, до самой темноты, стояли сотни женщин, многие из Украины, в надежде отыскать своих мужей, сыновей. Лагерь охранялся, в основном, румынами. Солдаты-румыны ходили в лагерь с целью поживиться: меняли, продавали или просто забирали все, что им приглянулось. Эти солдаты часто выкрикивали имя и фамилию военнопленного, его местожительство, которые сообщали ему женщины в надежде найти своих. Делалось это румынами за соответствующую мзду. Однажды, сидел я со своим другом Николаем, единственным солдатом из нашего дивизиона, оставшимся со мной, возле своей «каты» - норы. Подходит к нам румын. Вижу, пристально смотрит на мои сапоги, через плечо у него перекинуты солдатские ботинки и шинель. Предлагает мне в обмен на сапоги ботинки и шинель. Ботинки не новые, но еще хорошие. Примерно ничего, войдут. Соглашаюсь, так как мне очень нужна шинель. Тут Коля говорит:

– Прости у гада денег впридачу, видишь, как ему понравились сапоги.

А сапоги, действительно, были еще хороши, несмотря на ту длинную дорогу, которую я прошел в них по донским степям.

На нас глазают другие, каждый дает совет. Торгуемся на пальцах, по-немецки. Вытаскивает 20 рублей наших, советских, и передает мне вместе с шинелью, ботинки у меня в руках. Шинель старая, неопределенного цвета, но она нам с Колей очень пригодилась.

Читатель может задать вопрос. Ведь солдат-румын, в данном случае, победитель, а я – военнопленный. Он мог просто отобрать сапоги. Дело в том, что хотя Румыния, а также Италия, были союзниками немцев в войне против нас, однако их солдаты, да и офицеры, не очень храбро сражались, при случае, пачками сдавались в плен. В немецкой армии их презирали, держали в строгости, а за мародерство – расстреливали. Логика такая: военнопленный – добыча германской армии и только немцы вольны распоряжаться их судьбой. Было заметно, что при появлении немцев в лагере, румыны немедленно ретировались (шакалы уходили).

За пять рублей узбек побрил меня. Даже врагу не желаю такого бритья! Терпел, но зато помолодел лет на 20. Так определил результат бритья Коля.

Теперь мы ежедневно ходили с Колей на базар. В кармане – 15 рублей. Коля бриться не захотел, видя, какие муки я терпел, когда меня брил узбек.

– Давай лучше купим блинчики, – говорит он.

– Какие блинчики?

– Пошли, покажу.

Подходим к группе из Средней Азии. Вижу: на железе жарятся круглые лепешки на постном масле и очень аппетитно пахнут.

Купили несколько штук, и тут же их слопали. Как я уже писал, постное масло приносили те, кто ходил работать на маслозавод. А мука, где ее брали? Секрет добывания муки мы скоро раскрыли. Эти «узбеки» брали кал, выбирали из него неусвоившиеся желудком зерна, сушили их, затем на камнях мололи и получали муку. В зерне недостатка не было, производство лепешек процветало, хотя все уже знали, из какого зерна мука.

Прошел сентябрь 1942 года. Недалеко от ямы проходила железная дорога, все время шли составы на запад. Немцы вывозили с Дона и Кубани зерно и скот. Куда-то исчезли румыны и итальянцы. Охрану лагеря взяли немцы, в основном пожилые солдаты. Жизнь в лагере продолжалась, ежедневно то тут, то там обваливались норы, люди стремились поглубже зарыться, спасаясь от холода. Похоронная команда работала в поте лица.

Немцы, люди педантичные, начали нас считать, устраивая вечером двух, а то и трехчасовую проверку. Разбили всех по сотням, каждый был обязан знать номер своей сотни, старший сотни докладывал о количестве. Счет сугубо приблизительный. Пошел слух – считают, чтобы знать, сколько нужно транспорта для вывоза.

Количество женщин уменьшалось только на ночь, а рано утром они снова появлялись вокруг ямы. Бедняги пропадали по несколько дней, и бывали случаи, что находили своих.

Расскажу об одном таком случае. В лагерь зашел солдат-немец и стал по-русски выкрикивать две фамилии. Подошел он к нам, в руках держит записку, в которой все данные о разыскиваемом человеке. Отозвался один мужик, который «жил» рядом с нами в норе. Сверили данные. Все сошлось. Написал он что-то немцу на бумажке и потом сказал нам, что это нашла его жена. Сам он с Украины, мой земляк. Солдат ушел с его запиской, и через некоторое время возвратился, неся клунок с продуктами: хлебом, салом, помидорами, яйцами.

Жена написала ему, что подала немецкому командованию лагеря прошение старосты их села с просьбой отпустить его домой и ручается, что он верой и правдой будет служить новому порядку. Этот мужичек с Украины залез в свою нору и все, что ему передала жена, сожрал.

Ночью со его стороны раздались стоны, перешедшие затем в крик, наконец все стихло. На следующий день пришел солдат с разрешением на его освобождение, но он был уже мертв.

Как говорят, жадность «фраера» сгубила. Истощенный организм не принял столько калорийной пищи. Это была еще одна, полезная для меня наука.

Наступил октябрь. Ночью и по утрам прохладно, отогреваемся днем, солнышко еще греет. Чувствуется какая-то напряженность, поток железнодорожных составов с востока на запад резко уменьшился, везут много раненых.

Дошла и до нас очередь. После обеда поступила команда:

– Всем построиться по сотням для отправки.

Сотня за сотней выходят люди, кто в чем, под охраной солдат и собак. Направляемся к железнодорожной станции Миллерово. На путях стоит эшелон, почти сплошь из открытых платформ, огороженных деревянными стойками и колючей проволокой. Только спереди и сзади закрытые вагоны для охраны. Скот и то везли в лучших условиях.

Погрузились на платформы, все прижались друг к другу, накрылись шинелью, и мы с Колей. На платформы разрешили подстилку из соломы, которой на станции были целые скирды. Мы зарылись в солому, которая при движении поезда разлетелась на ветру. Ехали всю ночь, к счастью, без продолжительных остановок. Наутро показался большой город. Подъезжаем к вокзалу – Харьков. Итак, мы прибыли в город Харьков. Что дальше?

Вокзал целый, выгружаемся с платформ, вроде все целы. Солома очень помогла.

– Давай, давай быстрее! – кричат немцы.

Строимся в колонну по четыре человека и вступаем на улицы Харькова. Колонна направляется на Холодную гору в тюрьму, оборудованную под пересыльный лагерь для военнопленных.

Здесь началась фильтрация: офицеров отдельно, комиссаров и евреев также отдельно – в камеры. После чего санобработка с вошебойкой. Вода еле теплая, дали по кусочку мыла. Смотрим друг на друга – сплошь доходяги. Мылись все с каким-то остервенением, время для мытья ограничено, очень хотелось поскорее избавиться от вшей. После мытья стрижка наголо, голову и пах мажут квачем с какой-то вонючей жидкостью. После этого выходим в более-менее чистое помещение, где выдали нательное белье. Какое бросили, такое и одевай. Приносят прожаренную верхнюю одежду, обувь – каждый выбирал из кучи свое. У кого сгорели вещи, давали другие – старые военные.

Затем людей размещали по большим камерам, набивая их до отказа. В камерах двухъярусные нары, уборная во дворе тюрьмы.

Комиссарам и евреям выход из камер запрещен.

Назначен старший камеры, в обязанности которого входило следить за порядком и чистотой. От вшей избавился, от грязи не совсем, чувствую себя легче, но голод мучает. Ни о чем не думаешь, только о еде. Здесь такой баланды, как в Миллерово, нет, совсем отсутствует мясо, жидкий супчик из каких-то полустилиных овощей, правда, к нему кусочек хлеба-суррогата. Вечером кипятки, иногда заваренный, и такой же кусочек хлеба.

По всему чувствовалось, что мы здесь будем недолго. Каждый день убывали и прибывали партии людей. Не успели мы даже познакомиться друг с другом, как через два дня опять строиться для отправки.

Одет я был уже посредственно, имел даже венгерскую шапку с козырьком, была шинель и ботинки, те же румынские. Смастерил себе что-то вроде вещмешка, в который положил ложку и миску, помня, что это основной мой капитал.

Читатель может задать вопрос: «А как с курильщиками, как они обходились без курева?» Они мучались без курева, вся их энергия уходила на то, чтобы достать чего-нибудь покурить. Часто пожилые люди-курильщики выменивали даже ту мизерную пайку хлеба на табак, что всегда приводило к гибели. Один раз в Харькове нам дали махорку. Я ее тщательно завернул и спрятал, позже поменял на хлеб, не переставая удивляться, как можно променять хлеб на курево.

Снова мы на вокзале г. Харькова. На этот раз нас грузят в кривые вагоны-товарники. В каждом «параша», окна забиты решеткой из проволоки. Нар нет, на полу солома. Грузимся по 40—50 человек, в зависимости от емкости вагона. Едем на запад, но куда?

Мы сидим час, другой в вагоне. Наконец, открывается дверь, команда выделить людей, получить хлеб и воду на дорогу. Хлеб – из расчета буханка на пять человек на трое суток. Хлеб, который выпекался для военнопленных, это неполноценный хлеб, наполовину из отрубей и других примесей.

Спонтанно решаем: сразу же разделить хлеб и отдать каждому его долю во избежание всяких неприятностей. Делимся по пять человек, каждая пятерка получает хлеб и начинается священнодействие. Кто был в плену, тот знает, что дележ хлеба – это своеобразный ритуал, не должна упасть ни одна крошка. Каждый получил около 600 г хлеба, что не съел, бережно завернул в тряпицу и спрятал (обычно за пазуху). Пожилые курильщики делили свой хлеб на две, а то и три части, съедая одну, а молодежь быстро расправлялась со своей пайкой. Я поборол себя, съел только половину, остальное спрятал. И все же ночью съел все.

Эшелон тронулся на рассвете. К вечеру прибыли в Полтаву. В нашем вагоне нашлись полтавские, которые бросали в окно записки родным, надеясь, что проходящие железнодорожники их подберут и передадут по назначению.

В вагоне душно, параша воняет, лежать нет места, все время сидишь или стоишь. В Полтаве почти не задержались, едем все дальше на запад.

Вторые сутки на исходе, наблюдатели у окна сообщают, что видна большая река. Да, это Днепр, переправляемся по мосту возле Черкасс. Хлеб давно съеден у всех, воды нет, голод донимает, кружится голова, сидим на соломе.

Заканчиваются третьи сутки, а конца поездки не видно. Вагон ни разу не открывался. Вонь нестерпимая – кто-то уже лежит, не вставая, я стараюсь вставать и хоть немного подышать воздухом у окна. Несколько раз видел эшелоны с немецкими войсками, шедшими на восток, а вообще, очень мало людей на станциях.

Прибываем на крупную железнодорожную станцию. Идут четвертые сутки пути. Показался железнодорожник, кричим ему:

– Какая это станция?

– Фастов, – отвечает.

Так вот где мы, в 50 км от Киева на запад. В Фастове я до войны часто бывал, в этом городе жил мой сокурсник по институту, и я у него гостил.

В Фастове стояли долго. Стучим в двери вагона, требуем воды, никто не реагирует. Уже появились мертвые. Есть и без сознания. Я нашел двух из Киевской области, мы жадно всматривались в окно, но что можно увидеть в маленькое окошко товарного вагона, забитого решеткой. Параша давно переполнена, все выливается на пол, вонь невыносимая, особенно когда поезд стоит. При движении поезда еще как-то дышать можно.

Под вечер трогаемся. Я знал, что сразу после Фастова идет подъем железнодорожного полотна, поезд здесь замедляет ход. Это же подтвердил и один из моих новых знакомых из Киевской области.

Как-то стихийно у нас троих возникла мысль, что здесь можно бежать через окно вагона, но как выдернуть решетку? Попробовали расшатывать руками. Она прибита гвоздями не очень сильно, но для нас, доходяг, снять ее оказалось проблемой. По очереди расшатываем, поддается. На нас никто не обращает внимания. Наконец решетку удастся снять, пока она стоит только наживленная. Разрабатываем план побега: моя очередь выскакать в окно вторая. Решаем через окошко взбираться на крышу вагона, а там искать площадку или через буфера спрыгивать на землю. Как мы и ожидали, эшелон пошел медленнее, кругом темень, момент самый подходящий. Подсаживаем первого, головой вперед, лицом к нам, дальше и дальше, вот он уже ухватился руками за крышу вагона. Попросил еще подтолкнуть, и затем исчез в темноте.

Моя очередь: спиной вперед высовываю голову, и тут раздается пронзительный свист, короткие автоматные очереди, поезд замедляет ход и останавливается. Быстро соскакиваю обратно в вагон, кое-как прикладываю решетку на окно. Ждем долго, не менее часа.

Открываются двери нашего вагона настежь. Всем выходить, построиться в колонну по четыре человека. Вокруг нас вооруженные охранники. Всю верхнюю одежду и обувь приказано снять и сложить в кучу, затем нас пересчитали, назначили старшего вагона и сообщили, что в случае побега старший и еще 10 человек из вагона будут расстреляны.

Одежду куда-то увезли.

Сидим в вагоне в нательном белье, босиком. Ждем, пока не закончится эта операция во всех вагонах. Снова открывают дверь вагона, старшему приказывают организовать уборку, вынести и похоронить тут же, около железнодорожного полотна, трупы, освободить парашу. Принесли хлеб и воду. Все это время выходили из вагона только люди, назначенные старшим для уборки, остальные находились в вагоне. С появлением хлеба и воды затеплилась надежда, да и свежего воздуха хлебнули, пока нас пересчитывали. Все снова в вагоне, кто в чем. Делим хлеб. Ни о чем другом дум нет.

Поезд трогается. Итак, нет худа без добра: если бы не побеги, а как потом выяснилось, в это время пытались бежать, и некоторым это удалось, не только из нашего вагона, а также из других вагонов, то, наверное, не видать бы нам хлеба. Этот хлеб и вода были последней трапезой перед еще долгой дорогой до станции назначения.

От голода и жажды мы потеряли счет суткам, поезд часто останавливался на длительное время. О побеге не могло быть и речи: люди сильно ослабели, кроме того, старший вагона и его приближенные зорко следили за всеми, кто мало-мальски имел силы еще двигаться по вагону, боясь быть расстрелянными. Вот она, борьба за жизнь, во всей своей наготе, которая сопровождала меня теперь все время. Упускаю детали этого страшного «путешествия», чтобы не утомить читателя.

Прибываем на станцию назначения, открываются двери вагона. От свежего воздуха, яркого солнца, а в основном от голода, в глазах потемнело, кружится голова, еле слышу слова команды:

– Выходи!

Постепенно прихожу в себя, соскакиваю с вагона и тут же падаю, с трудом встаю. Везде подгоняют быстрее строиться по четыре. Что-то маловато нас осталось. В вагон вскакивают охранники, выходят обратно, о чем-то между собой переговариваются. Слышу слова по-немецки: есть мертвые.

Колонна военнопленных тронулась. На здании вокзала читаем: станция Владимир-Волынский. Так вот нас куда привезли – на западную границу. Совсем рядом Польша.

На станции дали жидкой баланды, сняли верхнюю одежду и обувь. Все перепуталось, мне достались чужие ботинки, но это не имеет значения, важно, что я жив, во всяком случае, существую.

Итак, во второй половине октября 1942 г. я прибыл в лагерь для советских военнопленных в г. Владимир-Волынский. На окраине города находился крупный пересыльный лагерь для военнопленных офицеров советской армии. Два десятка длинных деревянных барakov (блоков) и несколько кирпичных двухэтажных зданий (бывшие уланские казармы).

Лагерь окружен двумя рядами колючей проволоки, между которой полоса пропаханной земли. Через каждые 200 м ограды – сторожевые вышки, на которых круглые сутки дежурят охранники. Большие металлические ворота, через которые может входить колонна людей, шириной до 10 м. На территории лагеря находились: пищеблок, баня, санчасть. Главная достопримечательность, которая мне запомнилась, – большая площадь, вокруг которой и располагались бараки. На площади каждый вечер проводились проверки количества людей. Эта изнуря-

тельная процедура длилась по два и более часа. Изнуренные голодом, болезнями люди стояли по стойке смирно на холоде, под дождем, снегом, пока у немцев не сойдется счет.

Люди выстраивались в колонны по четыре человека лицом на середину площади, счет вели старшие блоков из наших военнопленных совместно с блокфюрерами-немцами из охраны лагеря, которых сопровождал переводчик. Учет людей в лагере был поставлен с немецкой пунктуальностью, так как в зависимости от количества людей выдавались те мизерные продукты в «пищевблок».

На территории лагеря отдельно располагались два кирпичных здания №4 и еще несколько небольших помещений. Это был лагерь для военнопленных-калек. В основном это были офицеры-танкисты со страшными увечьями: без ног, рук, слепые и т. п.

В этом маленьком лагере немцы имели хорошую практику по ампутации и лечению после операции. Об этих молодых ребятах-калеках я расскажу после.

Наступили холодные, дождливые, осенние дни 1942 г. На работу ходят немногие – более крепкие, здоровые. Работа связана с заготовкой и транспортировкой для нужд лагеря дров, картошки и т. д.

Суточное питание таково: 200 г. эрзац-хлеба, черпак баланды из брюквы, кольраби и полугнилой картошки. На вечер – эрзац-чай. Один раз в неделю давали курицу, примерно на четыре сигареты.

Мне 23 года. Хлеб съедал мгновенно, баланду выпивал еще быстрее, хорошо, если попадется какая-нибудь картофелина. Вот и все на целый день. После такой еды еще больше мучает голод, все мысли заняты тем, где и как раздобыть чего-нибудь поесть. В бараке двухъярусные деревянные нары. Все бараки не отапливаются, кроме кирпичных зданий. В плохую погоду сидим в бараках, стараемся больше лежать, чтобы не тратить энергии. Кто был плотным, стал тонким, звонким и прозрачным. Все язвы, диабет и другие желудочные заболевания, которые были дома, исчезали. Люди начали пухнуть.

Наступила зима 1942—1943 гг. – самый страшный период моей жизни в плену. На почве голода и болезней возникла в лагере вражда между национальностями, которая вовремя поощрялась немцами и нашей «русской» администрацией лагеря.

Немцы расселяли военнопленных в блоках по национальностям: были бараки, в которых помещались люди среднеазиатских республик, были кавказские, а русские, украинцы и белорусы жили вместе.

Вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Немцы низших чинов заходят на территорию лагеря все реже. Комендант лагеря, обер-лейтенант, только в особых случаях, одетый в противомикробный костюм. Все было отдано на откуп лагерной администрации. Эти лагерные, как мы их называли, «придурки»: повара, «врачи», полиция и другие начальники, жили в лагере и горя не знали за счет нас. Каждый твердо знал: заболел – крепись, а то попадешь в санчасть, уже не вернешься. Никто не лечил, наоборот, больных умерщвляли, чтобы в счет «мертвых душ» получать себе продукты.

Буханка хлеба давалась на восемь человек. В нашей восьмерке я сдружился с двумя офицерами: один – майор, лет под пятьдесят, другой – младший лейтенант из Киевской области, мой земляк. Майора звали Игнат Петрович, фамилию он не хотел назвать, а лейтенанта – Володей Блажко.

Каждый из нас выглядел старше своих лет, и когда меня спрашивали, с какого я года, отвечал, что с 1915, четыре года прибавлял. Очень помогал мне – молодому человеку – своим добрым словом Петрович. Он не переставал повторять, что нужно не падать духом, не запускать себя, стараться опрятнее одеваться и чинить порванное. Сам он брился (был у него станочек и лезвия, очень тупые), давал он их и мне. О многом он рассказывал, о чем я и понятия не имел, особенно много поведал о коллективизации 1929—1930 гг. и выселении кулаков, в котором он сам участвовал. Я удивлялся тому, что о пище он не говорил и голод не так пере-

живал, как я. Свою пайку курева я отдавал ему, за что получал, по существующей в лагере традиции, полпайки хлеба, от которого я просто не имел сил отказаться. Спали мы вместе. Володя рядом, а мы с Петровичем под одной шинелью, вторую шинель подстилали на нары, согревая друг друга телами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.